

НЕМЕЦ, ФАШИСТ, ГИТЛЕРОВЕЦ: ОБРАЗ ВРАГА В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1950-2010-Х ГОДОВ¹

Аннотация. В статье на основе корпусных данных выявлен семантический ореол образа немецкого воина в послевоенной советской детской литературе. Проверена гипотеза об инерции изображения врага в современной детской литературе. На примере повести Э. Веркина «Облачный полк» продемонстрировано, что инерция националистических и патриотических идей преодолевает сопротивление христианской этики и не допускает изображения врага с «человеческим лицом». Эта инерция дополняется и педагогической прагматикой литературы, обращенной детям, которая определяет жесткость персонажной системы (свои – хорошие, враги – плохие) в целом, и в особенности, когда речь идет о ключевых национально-патриотических стереотипах, связанных с Великой Отечественной войной.

Ключевые слова: детская литература, русская литература, образ врага, фашизм, русские писатели, литературное творчество, литературные сюжеты, корпусные исследования.

Детская литература, как, впрочем, и всякая другая, транслируя различные стереотипы (гендерные, поведенческие и пр.), участвует в формировании и этнических стереотипов. Роль её в процессе конструирования образов представителей иных национальностей изучена недостаточно. Чтобы отчасти восполнить этот пробел, я хочу обратиться к изучению образа немца в отечественной детской литературе – изучить тип персонажа детской литературы, обозначенного общеродовым именем. Существуют работы, посвященные изображению немцев в русской литературе в разные периоды ее существования, прежде всего, на материале русской литературы XIX века (Жуковская и др. 1998; Оболенская 2000; Буткова 2001 и мн.др.). Гораздо более фрагментарно изучена литература XX века (Сеняевская 2006). Однако специальных работ об образах немцев в детской литературе нет.

Исследователи неоднократно показывали, что в зависимости от характера отношений с «чужим» он будет по-разному отображаться в

литературе. Так, если в XIX веке в литературе превалирует образ «доброего» немца, немца-филистера [Жданов 2012], то в течение XX века, на протяжении которого Россия и Германия дважды вступали в военные конфликты, образ немца все более и более трансформируется из образа «чужого» в образ «врага» [Гудков 2004; Стародубова 2016]. Насколько подобные тенденции свойственны и детской литературе? Можно допустить, что в произведениях XX века для детей немцы будут показаны преимущественно как враги.

Для проверки этой гипотезы я воспользовалась данными корпуса детской литературы¹, отобрав произведения, изданные с 1946 по 1988 год. В выборку (341 издание) попали только произведения реалистической прозы о современности (сказки, зообеллетристика, историческая проза о событиях, произошедших до начала XX века, в выборку не вошли). Такой отбор произведений для анализа обусловил, что основным контекстом, в котором мог бы встретиться образ немца, стали произведения о недавней войне. Из 341 изданий в 194 встретилось 6300 лексем, обозначающих немецкого воина – участника Второй мировой войны.

Корпус показал несколько более-менее синонимичных обозначений для этого типа персонажа: немец/фашист/ариец и др., различающихся идеологической нагрузкой. Более редкими лексемами для обозначения воина германской армии стали ариец, нацист, эсэсовец, фриц (по возрастанию частотности). Около 800 вхождений у лексеме «гитлеровец». Наиболее частотны фашист (1664) и немец (3446).

Если обратиться к оценке степени идеологической нагрузки этнонима и его коррелятов по коллокациям, то обращает на себя внимание, что существует зависимость между термином и его семантическим окружением. Авторы детской литературы в разных контекстах выбирают те или иные наименования немецкого воина.

Так, наиболее специфический семантический ореол в детской литературе сложился у «эсэсовца». Он состоит из слов, которые связаны с эпизодами насилия над партизанами и мирным населением:

Оцеплять, подмости, мотоцикл, охрана, полицейский, буркнуть, бывший, грузовик, автомат, село, офицер, площадь, приближаться, господин.

Наименование немецкого воина «эсэсовцем» встречается в эпизодах, в которых разворачиваются карательные операции. Так, в повести М.М. Колосова «Бахмутский шлях» (1956) среди описаний насилия фашистов на оккупированной территории наименование «эсэсовец» встречается в эпизоде, в котором эсэсовцы насильственно увозят молодежь в Германию:

¹ maslinsky.spb.ru/detcorpus

А фашисты в этот момент стали особенно зверствовать. Расстреляли всех евреев, которые до этого ходили с повязками на рукавах. Стали устраивать облавы на базарах: оцепят, подгонят машины и увезут всех в лагерь – строить дорогу или копать противотанковые рвы, траншеи. В Ясиноватой создали молодых ребят в клуб и стали уговаривать вступать добровольно в германскую армию. Обещали солдатский паек, шоколад, сигареты, но никто не захотел стать добровольцем. Ребята хотели убежать из клуба, но было поздно: *его оцепили эсэсовцы. Всех их погрузили в машины и увезли* (курсив мой – С.М.). Я сам видел, как у нас с биржи труда отправляли девушек в Германию. Их тоже обманули. Под угрозой расстрела обязали явиться на биржу для отработки трех дней на железной дороге. Многие пришли и только здесь узнали, что их отправляют в Германию. Поднялся крик, плач, девушки кинулись бежать, но солдаты хватали их и бросали в кузова крытых машин, точно это были не люди, а мешки с мукой [Колосов 1973: 122].

Наиболее интересные результаты прослеживаются, если сравнить семантический ореол лексем «немец» и «фашист» – их атрибутивные портреты заметно отличаются. Ниже (см. табл. 1) приведены эпитеты, которые употребляются с обоими наименованиями (расположены в порядке убывания частотности).

Таблица 1

Немец	Фашист
Щеголоватый, порядочный, пожилой, подследственный, настоящий, молчаливый, молодой, чистенький, худошавый, хитрый, уса-тый, упитанный, убитый, тучный, толстый, судетский, страшный, рассудительный, приземистый, пленный, остзейский, лобастый, крепкотельный, краснощекий, краснорожий, коротконогий, долговязый, добрый, добродушный, длиннорукий, голенастый, высокий	Настоящий, проклятые, поганый, скучающий, рыжий, рослый, пленные, немецкие, долговязый, германские, важный

Разнообразие определений, даваемых этнониму, значительно превосходит репертуар эпитетов, присущих «фашисту». Во втором случае список возглавляют оценочные характеристики (настоящий, проклятый, поганый), в то время как эпитеты к образу «немца» соотносятся с самыми разными качествами, приписываемыми врагу (внешний вид, характер, ситуативное состояние, территориальное происхождение и пр.). При создании характеристики «немца» авторы детской литературы скорее склонны использовать индивидуализирующие свойства. Поэтому среди них можно обнаружить контекстуально антонимичные пары: худошавый/тучный, коротконогий/долговязый, пожилой/молодой, высокий/приземистый и пр.

В то же время ближайший контекст лексемы «немец» (то есть слова, наиболее часто встречающиеся с этой лексемой) – это группа слов, лишенных эмоциональных значений. Это слова, из которых можно было бы составить школьный параграф учебника по истории, посвященный любым военным действиям:

Партизан, убивать, русский, автомат, бить, тыл, пленный, танк, атака, взрывать, против, захватить, война, фронт, обстреливать, занимать, город, наступление

Безэмоциональная, функционально-инструментальная лексика, употребляемая при этнониме, сменяется экспрессивной лексикой, передающей высокий уровень эмоционального отторжения, когда речь идет о «фашистах». Глагольная лексика, используемая в этом случае, обозначает предельные процессы и состояния: *побивать, сжигать, уничтожить* и пр. В целом, семантический ореол «фашистов» гораздо более напряженный, динамичный, эмоционально окрашенный:

Проклятый, убивать, прогнать, уничтожить, расстреливать, ненавидеть, советский, восстанавливать, бить, армия, стрелять, партизан, захватить, обстреливать, разгромить, воевать, побивать, разрушать, смерть, сжигать, бороться, танк, война, гад.

На протяжении изучаемого периода это соотношение не меняется. В целом, изображение немецкого воина – это изображение врага, достойного только ненависти. В детской литературе, в том числе и в позднесоветской – в 1970-80-е годы, мы не найдем сюжетов, в которых фашист достоин жалости или понимания. Тем не менее, как мы видим, если у писателя есть необходимость изобразить неоднородные характеристики персонажа, то он скорее предпочтет этноним, нежели его политический эквивалент.

В любом случае, самый частотный глагол и при «немцах», и при «фашистах» – «убивать». Воин германской армии, как он показан в детской литературе послевоенного сорокалетия, – это персонаж, связанный со смертью: или несущий ее, или принимающий. Соответственно, образ немецкого воина – это образ врага, который имеет однозначно негативную оценку.

Во взрослой литературе все было не так однозначно, хотя, конечно, основная тенденция была аналогичной. Но во фронтовой лирической повести (термин Н. Лейдермана и М. Липовецкого), адресованной взрослым, можно обнаружить ревизию представления о немцах как врагах: показательные примеры – оттепельный рассказ «Немец в валенках» (1966) К. Воробьева и «послеоттепельная» повесть В. Кондратьева «Сашка», вышедшая в 1979 году. Однако в детскую литературу такие персонажи (вызывающие в силу солдатского сопричастия на войне сочувствие, жалость, понимание) не проникают. Если для «лейтенантской прозы» характерна юношеская свежесть восприятия, допускающая увидеть во враге такого же собрата по тяготам военной жизни, то детский взгляд на врага в литературе, адресованной подросткам, крайне поляризован. Враги – всегда враги, свои – всегда хорошие.

Можно было бы ожидать, что после большого перерыва в освещении военной темы, когда начиная с 1990-х годов практически не выходило новой прозы для детей о Великой Отечественной войне, ситуация изменится, и авторы нового поколения предложат своим читателям менее поляризованный мир. Однако в последние два десятилетия ситуация на отечественном книжном рынке не меняется: новых книг для детей о Второй мировой войне не появляется (что само по себе достойно отдельного осмысления).

Исключением из этого правила стала повесть Э. Веркина «Облачный полк», вышедшая в 2012 году. Прототипом главного героя повести выступил Леня Голиков, чья героическая судьба не раз становилась предметом изображения в советской детской литературе: самый известный и тиражируемый текст – «Партизан Леня Голиков» (1953) Юрия Королькова. Спустя шестьдесят лет детский писатель – наш современник – берётся за известный ему и взрослым читателям сюжет о пионере-герое Лене Голикове. Любопытно проследить, какой традиции изображения немецкого воина он наследует?

В целом, книга Э. Веркина написана в традициях «лейтенантской прозы»: рамочная композиция (рассказчик (прадед) вспоминает свое военное детство), лирическое повествование от первого лица, дегероизация смерти, дискредитация военной доблести пионера-героя (который представлен молодым человеком комсомольского возраста, что ближе к исторической правде), натуралистическая поэтика в изображении войны и смерти, включение дополнительных индивидуальных точек зрения на войну за счет имитации дискурса личной переписки (детские письма в сумке фашистского фотокорреспондента) и пр. Для советской детской литературы использование этих приемов было не характерно, при всей установке в 1960-1970-е годы на психологичность детской литературы, в военной прозе для детей она практически не была реализована: дети-герои пионерских житий не знают страха, не испытывают душевного потрясения, убив человека/фашиста/карателя/полицая, они не показаны в своих слабостях и пристрастиях. Те приемы изображения человека на войне, что были разработаны в «лейтенантской прозе», не использовались при создании произведений о войне для детей. Это касалось и изображения врага, о чем речь шла выше.

Таким образом, повесть Э. Веркина демонстрирует, как детская литература спустя шестьдесят лет догоняет взрослую в стилевом отношении. Писатель Веркин восстанавливает в детской литературе «окопную правду»: молодые люди и дети (рассказчик был оруженосцем у Л.Голикова) страдали, мерзли, выводили вшей, любили, дурачились, хитрили, предавали... Пионеры-герои в 2012 году перестают быть персонажами глянцевого плаката пионерской комнаты. Меняются ли их враги?

У Юрия Королькова в его повести «Партизан Леня Голиков» встречается 172 обозначения немецкого воина: нацист не встречается вообще, эсэсовец упомянут один раз, фриц – 10. Затем немец – 50 и фашист – 40. Немцы показаны физически отталкивающими, вызывающими отторжение Леньки и его напарника Митяя:

Мальчики снова пробрались к окну. Поднявшись на цыпочки, они заглянули внутрь избы. Перед столом, накрытым зеленым сукном, стояли Егор Зыков и Васек Грачев. Руки их были связаны. За столом сидел краснорожий *немец*, такой толстый, что шея его вылезала из тугого воротника, как перестоявшее тесто из квашни. Рядом с толстым *немцем* сидели двое тоже в военной форме. Один из них что-то писал, а другой спрашивал [Корольков 1959: 175].

Точно так же изображает Корольков и фашистов. При этом, в отличие от большинства авторов советской детской литературы, «фашист» у него удостоивается индивидуальной портретной характеристики, впрочем, вполне типовой и карикатурной:

Ленька стоял растерянный, не понимая ни одного слова. Долговязый продолжал кричать, и из его беззубого, будто провалившегося рта брызгами летела слона. Вдруг он бросил курицу, цепкими пальцами сорвал с Ленькиной головы пилотку и больно хлестнул его пилоткой по обеим щекам. Потом швырнул ее на землю и принялся неистово топтать, стараясь каблукom раздавить звездочку. <...> Ленька не успел оглянуться, как пионерский значок, приколотый к его пиджаку, оказался в руках долговязого. Он бросил значок на землю и раздавил каблукom. Ленька вырвался и отскочил в сторону, к ребятам. Долговязый что-то пробормотал, засмеялся и погрозил пальцем. Переводчик сказал:

– Герр ефрейтор сказать, что в другой раз он будет тебя повесить. А первый раз будет прощайть...

Тяжко было на душе у Леньки!.. Нет, не пилотку со звездочкой, не пионерский значок растоптал этот долговязый *фашист* с узким подбородком и когтистым носом! Леньке казалось, будто на грудь его *гитлеровец* наступил каблукom и давит, так давит, что невозможно вздохнуть... А долговязый ефрейтор поднял с земли курицу и пошел вместе с переводчиком дальше [Корольков 1959: 166-167].

Самым частотным наименованием немецкого воина стал у Королькова «гитлеровец», 71 раз используемое как общеродовое понятие. Это персонаж, который убивает, поджигает, расстреливает, давит каблукom пионерский значок и к которому герои испытывают ненависть и презрение. Чрезмерное увлечение Корольковым этим наименованием похоже на гиперкоррекцию – желание избежать «немца». В 1963 году, спустя 10 лет после написания повести Королькова, К. Симонов в личном письме вполне определенно выскажется о своей позиции в отношении наименования врага:

Что касается фразеологии военного времени, то я думаю, что писатель должен употреблять ее без политиканства, употреблять исторически верно. Как

тогда говорили – так и писать. Чаще всего тогда говорили «немцы», говорили «немец», говорили «он». «Гитлеровцы» больше писали в сводках и всяких официальных донесениях об уничтожении противника. «Фашист», «фашисты» говорили, и довольно часто, хотя, конечно, гораздо реже, чем «немец» или «немцы». В особенности часто говорили про авиацию: «Вон, фашист полетел». Тут почему-то чаще говорили именно «фашист», а не «немец» [Симонов 1990: 194].

Надо признать, что термин «гитлеровец» в советской детской литературе по частотности значительно уступает «фашистам» и «немцам», а Корольков по инерции 1945 года пытается разделить «немцев» и «гитлеровцев», отдавая предпочтение последним, подчеркивая, что воевали не немцы, а нацисты, гитлеровцы. Но большинство авторов детской литературы прислушались к мнению К. Симонова.

У Э. Веркина термин «гитлеровец» не встречается. По четыре словоупотребления у «фрицев» и «эсэсовцев», немцы – 154 и фашисты – 496. Столь ощутимое частотное превосходство «фашистов» можно трактовать как попытку уйти от употребления этнонима, как попытку избежать наименования по национальному признаку. Говорит ли это о каких-то принципиальных сдвигах в изображении врага?

Семантический ореол немецкого воина в повести Э.Веркина в точности воспроизводит канон изображения врага в советской детской литературе. В момент партизанской атаки главный герой убивает немца, смерть его подана в натуралистических деталях, не допускающих жалости:

Справа на нас шел человек, то есть немец, в одних штанах и ботинках, никакой другой одежды, никакого оружия, он брел через снег и смотрел себе под ноги, и был уже почти рядом, метрах в пятнадцати. Саныч повернулся к нему.

Наверное, я оглох – МП прощелбегал, брызнул гильзами, немец покрылся красными кляксами, упал на спину, и стал дрыгать ногой. Сам он уже умер, а нога не хотела, скреблась о жизнь, отталкивалась от земли.

Живые немцы убежали в лес, жаль, не всех достанем сегодня. Ничего, достанем завтра [Веркин 2012: 198-199].

Более того, в уста Митяя, разговаривающего уже в наше время с писателем, пишущим биографию Саныча, автор вкладывает слова Эренбурга-Симонова:

– А тебе нравилось убивать? – спросил я.

– Что?

– Убивать, – повторил я. – Немцев. Нравилось?

Он все-таки достал свою папиросу, задымил.

– А нам нравилось. Вот мне. И ему <Санычу – С.М.> тоже нравилось.

Писатель неловко стянул пепел, прямо в салон, на кожаный диван.

– Видишь ли... – Виктор курил и кусал зубы. – Про «Убей немца» сейчас не очень... своевременно. Эренбург сам не любит вспоминать. И общество...

Писатель сделал рукой круговое движение, взволновал дым. Послonyaвил пальцы, потер место ушиба.

– Мы ведь сейчас с ГДР очень дружим.

– А я не дружу, – сказал я. – Я вот лично не дружу.

– Я не знаю...

Писатель сломал папиросу, выкинул в окно.

– Я считаю, что все еще не закончено, – сказал я. – У нас с немцами. И никогда не будет закончено. Каждый немец, пусть он через сто лет родится даже, каждый немец нам должен.

– Ну да, за то, что они у нас тут сделали...

– Совсем нет. Они нам должны не за то, что они у нас сделали. Они должны за то, что мы у них не сделали.

Писатель запустил двигатель [Веркин 2012: 269-270].

Состарившийся Митяй, глава большого семейства, хранящий память о войне, долгие годы хранит и ненависть. Призыв Эренбурга для него не потерял актуальности. Э. Веркин остается верен официальной советской модели изображения врага. Детская память о ненависти к врагу сильнее времени. Митяй всматривается в лица на картине «Heaven Host» Е. Чистякова и видит там «веселого и злого» Саныча. Но, воскрешая прошлое, он не видит лиц врагов. Так же, как не видел их и Ленька Голиков 1953 года создания:

Леньке показалось знакомым лицо офицера – узенькая бородка и очки в светлой оправе. «Не Гердцев ли?» – подумал он. Но больше в лица он не вглядывался. Все *фашисты* были ненавистными врагами [Корольков 1959: 361].

В то время как в автобиографической прозе, построенной на детских воспоминаниях о войне, можно обнаружить иные, не столь однозначные оценки немцев, в современной детской литературе инерция националистических и патриотических идей преодолевает сопротивление христианской этики и не допускает изображения врага с «человеческим лицом». Эта инерция дополняется и педагогической прагматикой литературы, обращенной детям, которая определяет жесткую полярную структуру (свои – хорошие, враги – плохие) в целом, и в особенности, когда речь идет о ключевых национально-патриотических стереотипах, связанных с Великой Отечественной войной.

ЛИТЕРАТУРА

Веркин Э. Облачный полк. М.: КомпасГид, 2012.

Колосов М. М. Бахмутский шлях. М.: Советская Россия, 1973.

Корольков Ю. М. Партизан Леня Голиков. М.: Молодая гвардия, 1985.

Симонов К. Письма о войне 1943–1979. М., 1990.

Буткова Н. В. Образ Германии и образы немцев в творчестве И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол.

наук. Волгоград, 2001.

Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

Жданов С. С. Национальность героя как элемент художественной системы (немцы в русской литературе XIX). Новосибирск: Изд-во ФГБОУ ВПО «НГПУ», 2012.

Жуковская А. В., Мазур Н. Н., Песков А. М. Немецкие типы русской беллетристики (конец 1820-х начало 1840-х гг.) // Новое литературное обозрение. 1998. № 34. С. 37–54.

Оболенская С. В. Германия и немцы глазами русских (XIX в.). М.: ИВИ РАН, 2000.

Сеняевская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006.

Стародубова О. Ю. Формирование стереотипа противника в СССР 1930–1940-х гг. при оценке событий Первой мировой войны // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 3 (53). С. 227–235.

Leingang Oxane. Sowjetische Kindheit im Zweiten Weltkrieg. Generati onsentwürfe im Kontext nationaler Erinnerungskultur. Heidelberg. 2014.

REFERENCES

Verkin E. Oblachnyy polk. М.: KompasGid, 2012.

Kolosov M. M. Bakhmutskiy shlyakh. М.: Sovetskaya Rossiya, 1973.

Korol'kov Yu. M. Partizan Lenya Golikov. М.: Molodaya gvardiya, 1985.

Simonov K. Pis'ma o voyne 1943–1979. М., 1990.

Butkova N. V. Obraz Germanii i obrazy nemtsev v tvorchestve I.S. Turgeneva i F.M. Dostoevskogo: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2001.

Gudkov L. Negativnaya identichnost'. Stat'i 1997-2002 godov. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004.

Zhdanov S. S. Natsional'nost' geroya kak element khudozhestvennoy sistemy (nemtsy v russkoy literature XIX). Novosibirsk: Izd-vo FGBOU VPO «NGPU», 2012.

Zhukovskaya A. V., Mazur N. N., Peskov A. M. Nemetskie tipazhi russkoy belletristiki (konets 1820-kh nachalo 1840-kh gg.) // Novoe literaturnoe obozrenie. 1998. № 34. S. 37–54.

Obolenskaya S. V. Germaniya i nemtsy glazami russkikh (XIX v.). М.: ИВИ РАН, 2000.

Senyavskaya E. S. Protivniki Rossii v voynakh XX veka: Evolyutsiya

«obraza vraga» v soznanii armii i obshchestva. M.: «Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 2006.

Starodubova O. Yu. Formirovanie stereotipa protivnika v SSSR 1930–1940-kh gg. pri otsenke sobytiiy Pervoy mirovoy voyny // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2016. № 3 (53). S. 227–235.

Leingang Oxane. Sowjetische Kindheit im Zweiten Weltkrieg. Generati onsentwürfe im Kontext nationaler Erinnerungskultur. Heidelberg. 2014.